

ПИСАТЕЛЬ, БОЕЦ, ПАТРИОТ

Сегодня — 75 лет со дня рождения выдающегося советского писателя и общественного деятеля Героя Социалистического Труда Бориса Николаевича Полевого.

Б. Полевой родился в Москве, но сам он называл себя твердяком, калининцем. Здесь, в нашем областном центре, он вырос, здесь учился, здесь делал свои первые шаги в журналистике и литературе.

Мы печатаем сегодня отрывки из воспоминаний о Борисе Полевом, написанных его земляками-калининцами, его товарищами и коллегами. Впервые публикуется (с небольшим сокращением) статья Б. Полевого «Мы — с «Пролетарки», написанная им за год до кончины.

БОЛЬШАЯ Пролетарская Мануфактура — этим официальным именем никто никогда ее не называл. «Пролетарка», только «Пролетарка». И иногда ласково: «Наша «Пролетарочка».

А между тем «Пролетарка» — это огромный текстильный комбинат с законченным циклом производства, куда ежедневно в железнодорожных вагонах подаются токи с хлопком и откуда тоже ежедневно вывозят тысячи кусков хлопчатобумажной ткани самой разнообразной фактуры и расцветок.

А для многих советских людей «Пролетарка» была не только местом работы, но школой жизни, и люди эти, узнавшие труд на фабриках комбината, куда бы потом ни заносила их судьба, всегда с гордостью говорят:

МЫ — С «ПРОЛЕТАРКИ»

Борис Полевой

я затеял писать роман об истории родного мне комбината. Этот роман так и должен был называться: «Биография «Пролетарки». Я поделился этой затеей с Максимом Горьким, и он со своей стороны ему душевной щедростью, благословляя меня в литературу, написал, однако, что браться за такой роман мне еще рано, что для этого мне нужно учиться и учиться. Несмотря на это, я продолжал мечтать об этом романе, писал упорно и самозабвенно. Говорить о том, что у меня тогда выходило, я не берусь. Толстенная рукопись эта, еще не вполне законченная, может быть, на счастье читателей, бесследно погибла во время оккупации города.

Но историю родного комбината я хорошо знаю, помню. Это славная история, какой может гордиться любая самая уважаемая фабрика России.

В 1905 году, когда в политическом словаре еще не было самого понятия Советская власть, во дворе Тверской Мануфактуры организовался и успешно действовал Совет рабочих депутатов. Он руководил производством, организовал революционную охрану порядка, имел вооруженную рабочую дружину, успешно отбивавшую из-за баррикад у трех ворот комбината атаки казаков, через морозовскую «харчевую лавку» организовал снабжение рабочих.

Словом, еще в ту давнюю пору тверские большевики как бы создали практическую модель Советской власти, и русский пролетариат на старейших этих фабриках пробовал свои творческие созидательные силы.

В революцию 1917 года я, тогда еще мальчишка, уже собственными глазами видел и бурные демонстрации, и бои с черной сотней. При мне фабрика Товарищества Твер-

ской мануфактуры была по решению профсоюзов официально переименована в Товарищество Пролетарской мануфактуры, а потом уже народной молвой и в «Пролетарку».

Сколько ярких незабываемых страниц вписали рабочие «Пролетарки» в нашу советскую историю! Они активно проявляли себя в ответственные дни этой истории. Я помню, как от так называемых «хлопковых ворот» отошел на восток эшелон с во-

оруженными рабочими, направляясь защищать Советскую республику.

Помню, как в Большом Пролетарском театре подписывался знаменитый «Договор тысяч» между рабочими старейших русских текстильных городов. От рабочих «Пролетарки» его подписывали тогда прядильщица М. Ф. Таврунова, ткачиха М. Г. Смирнова, рабочий-отделочник А. И. Иванов. Помню, как прядильщица К. А. Швалева организовала первую сквозную стехановскую бригаду.

Множество интереснейших рабочих починов рождалось и продолжает рождаться в цехах «Пролетарки», починов, которые быстро распространяются по всей стране. Вспоминаю об этом — мне не нужно лазить в архивы и листать пожелтевшие документы. Эта часть славной истории родных мне фабрик проходила уже на глазах. И мне, в те дни журналисту, заводившему промышленным отделом «Пролетарской правды», приходилось активно участвовать в обсуждении и распространении этих починов.

И в дни величайшего испытания, выпавшего на долю нашего народа, в годы Великой Отечественной войны, труженики «Пролетарки» не уронили давней своей славы, а приумножили ее. Отослав своих мужчин на фронт, «Пролетарка» продолжала ра-

ботать, выпуская материал для солдатской одежды. После смен без отдыха работники, подростки и пенсионеры выходили рыть земляные окопы вокруг города, проходили военную учебу в кружках всеобщего, в отрядах народного ополчения. А когда город был оккупирован, рабочие «Пролетарки» не склонили перед завоевателями головы. Несмотря на все старания оккупационной администрации, несмотря на призывы, угрозы и щедрые посулы, никто не вышел на работу, не запятнал себя сотрудничеством с фашистами. И когда один инженер попытался на ситцевой фабрике наладить изготовление мыла, женщины схватили его, окунули в барку с анилиновой краской, и, так как краска эта, как известно, очень стойкая, он так и ходил черным с зеленоватым оттенком...

ЮНЫЙ ДУШОЙ

Ленина на «Пролетарке» комсомольцы выпускали световую газету. Активными «сотрудниками» световой газеты были Борис Кампов и автор этих строк.

Первая моя заметка в «настоящей печати» появилась в 1923 году. Примерно к тем же временам относится и начало газетной деятельности Бориса, тогда он приобрел и свой псевдоним Б. Полевой.

В 1927 году я, студент филологического факультета Ленинградского государственного университета, приехал в родной город на практику в газету «Смена», а в следующем, 1929 году работал в

«Тверской правде». И все эти годы бок о бок с Б. Полевым. Борис был мастер на все: выдумки и розыгрыши. Любил по-товарищески «подначивать» коллег. Правда, и те не оставались в долгу. В конце двадцатых годов в редакции «Тверской правды» вышел единственный номер стенгазеты «Пегашка». Пегашка — на типографском

языке: опечатка, ляпсус, клякса. Сменовцы подхватили это начинание и создали свою сатирическую газету «Пегашкин жеребенок».

Лет через тридцать Борис Полевой написал «Грустный фельетон». В нем говорилось: «В одной-единственной комнате, где помещалась редакция «Смены» со всеми отделами, «Пегашкин жеребенок» и нашел свое стойло. Он оказался чертовски забавным. Все, даже скучные старые дядьки, приходившие сверху, из большой редакции, баловали его. Не успевали сменовцы вывесить чистый лист, как он тотчас за-

полнял рисунками, карикатурами, заметками...».

Началась Великая Отечественная война. Вскоре Бориса Полевого взяли на работу центральная «Правда», и он стал военным корреспондентом по Калининскому фронту. В начале 1943 года в том же качестве, но от областной «Пролетарской правды» приехал и я в Ново-Бридино (об этой резиденции военных корреспондентов написано у Б. Полевого в книге «Мы советские люди»). Здесь я имел возможность еще раз убедиться в неутомимости и трудолюбии Б. Полевого.

Говорят, краткость — сестра таланта. По-моему, у таланта есть еще и брат. Труд — брат таланта. На всем протяжении жизни Б. Полевого его сопровождал труд.

Борис Полевой далеко вперед ушел от своих товарищей юных лет. Но, подтянувшись на высоту, он часто и с удовольствием вспоминал о днях своей юности, о друзьях детства и молодых лет. И это, несомненно, помогало ему до старости быть юным душой. Недаром же он редактировал «Юность»!

Николай БАЛАКИН.

СТАРШИЙ ВОЕНКОР

В АВГУСТЕ 1943 года я, только что назначенный военным корреспондентом «Правды», приехал с Центрального фронта. Меня позвали к главному редактору. Петр Николаевич Поспелов был не один. В кресле сидел майор в вылинявшей гимнастерке. Это был Полевой. Поспелов, познакомив нас, сказал:

— Даем вам в спутники, Борис Николаевич, нашего нового военкора, фронтовика. Думаю, что вы сработаетесь и подружитесь.

... На старенькой «эмке» добрались наконец до штаба Степного фронта, расположенного в украинском селе Малые Проходы.

Пока мы размещались, Полевой побывал в штабе. Вернулся он в радостном, приподнятом настроении. Ему посчастливилось встретиться с командующим фронтом, его старым знакомым с начала войны Иваном Степановичем Коневым. Борис Николаевич возмужденно, взволнованный полученной информацией, сообщил:

— Наши войска успешно продвигаются. Идет борьба за Харьков. Мы успели как раз на бал. Дела предстоят интереснейшие!

Мне Полевой посоветовал направиться в одну из передовых дивизий, находящихся на ответственном участке. Он узнал в штабе, куда лучше всего поехать, сообщил мне, как добираться до соединения, и пожелал ни пуха, ни пера. Такая забота о младшем коллеге тронула меня.

Полевого обступили корреспонденты газет, спрашивая, что сказал командующий фронтом, как развиваются события. Газетчики знали, что Полевой хорошо информирован, и старались быть к нему поближе. И, хотя для журналистов в штабе ежедневно проводилась оперативная информация, корреспонденты, особенно слабо разбирающиеся во фронтовой обстановке, сверяли свои планы, равняясь на Полевого. Все признавали его старшинство в корреспондентском корпусе.

...Харьков ликовал. Моя корреспонденция уже лежала в планшете. Стараясь нигде не задерживаться, поспешил к узлу связи. Полевой, увидев меня, обрадовался:

— Ну как?

— Все в порядке. Наброски сделаны. Сейчас перепису начисто.

Через час Борис Николаевич заторопился:

— Пошли к связистам. Там допишешь.

На узле связи он представил меня молодому лейтенанту — связисту, сказав громко, чтоб слышали и девушки-радистки:

— Это наш молодой правдивец. Почерк у него самый что ни на есть четкий, всем понятный.

О почерке Борис Николаевич сказал не случайно. Это была его слабость, помеха в корреспондентской работе. Всеми признанный ас-репортер писал так коряво, так неразборчиво, что связистки хватились за голову.

В общении с людьми, особенно с коллегами, Борис Николаевич был прост, доступен, очень внимателен.

Мне и другим корреспондентам не раз приходилось удивляться его находчивости, оборотистости, быстрым действиям. Часто именно от него «Правда» первой из всех газет получала новости из боевой жизни действующих армий.

Когда наши войска освобождали Полтаву, мне удалось вместе с танкистами попасть туда раньше Полевого. В только что организованной советской коммандатуре я разговаривал с высоким грузным стариком и его супругой, которая молча плакала, не выпуская из рук скромного платочка. Из моих расспросов выяснилось, что их дочь Ляля Убийвовк была активной подпольщицей. Незадолго до освобождения города гестаповцы арестовали комсомольцев — подпольщиков и расправились с ними. Старик повел меня на то место, где погребена Ляля, а потом домой, где показывали ее фотографии и нежные письма из тюрьмы. Убитым горем хозяева рассказывали и плакали, а я, потрясенный их бедой и героизмом юной патриотки, слушал и записывал. Только вечером, переполненный доверенной мне трагедией, увидел в Полевом и рассказал ему обо всем. Глаза Бориса Николаевича загорелись.

— Так, — сказал он, — на узле связи уже побывал?

— Да нет, — ответил я, — хочется написать получше...

Борис Николаевич удивленно уставился на меня и, всплеснув руками, проговорил:

— Как? Еще и не писал? Хочешь получить чудовищный прокол? Подвести «Правду»? Залезай в машину, и чтоб через два часа корреспонденция была готова!

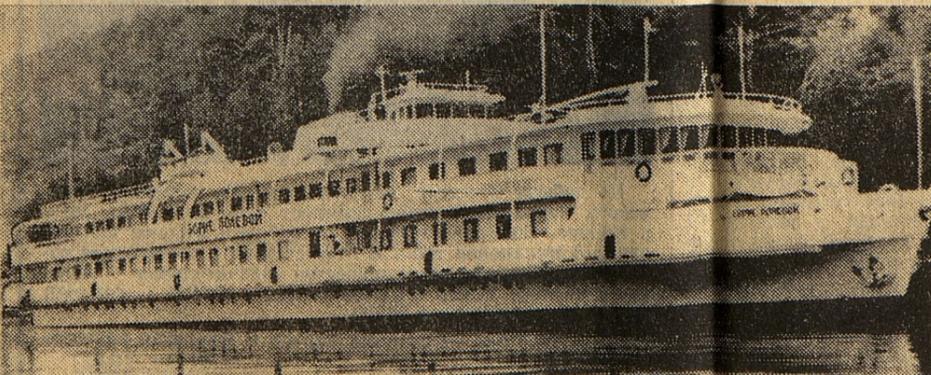
В послевоенные годы, став известным писателем, общественным деятелем, редактором журнала, Борис Николаевич до конца жизни оставался страстным, наблюдательным, всегда молодым репортером, настоящим бойцом советской журналистики. Публицистика была его любимейшим жанром, в чем он с гордостью не раз признавался.

Аркадий РОСТКОВ.

Весной 1982 года теплоход «Десна», приписанный к Пермскому речному порту, получил новое наименование — «Борис Полевой». Команда теплохода с радостью и гордостью восприняла весть о присвоении судну имени выдающегося советского писателя, автора «Повести о настоящем человеке», общественного деятеля, неутомимо борда за мир.

С туристами Урала теплоход ходит по Каме, Волге, Дону.

НА СНИМКЕ: теплоход «Борис Полевой».

7 июля 1980 г.